

Глава 3

Семья Цю пользовалась в деревне Цзячжи дурной славой: каждый дом так и норовил перемыть им косточки. В те годы, когда Инь Мо уехал, а о семействе Инь постепенно забывали, именно Цю стали главной темой для разговоров за вечерним чаем.

У Цю Цзиньбэя было три старшие сестры: Дамэй, Эрмэй и Саньмэй. Сам же он был тем самым долгожданным сыном, ради которого родители решились на четвертые роды. В деревнях такое сплошь и рядом — какой бы ни была нищета, сына подавай обязательно. Словно только с его появлением жизнь обретает хоть какой-то смысл и опору.

Однако ситуация в этой семье отличалась от прочих. Начиная ещё с деда, все Цю обладали скверным характером: и мужчины, и женщины по любому поводу хватались за мотыги, готовые ввязаться в драку.

Сестры Цзиньбэя выросли под градом побоев и бесконечную ругань. И хотя самого Цзиньбэя родители пальцем не трогали, старшие втайне отыгрывались на нём сполна. В какое бы время вы ни проходили мимо их дома, из-за забора всегда доносились резкие, полные желчи крики.

Члены этой семьи давно разучились разговаривать нормально — их языком стали взаимные насмешки и проклятия.

Сестры отучились лишь до средней школы. Сначала они, как и другие деревенские девчонки, уехали на заработки в город, но денег не нажили, нахлебались горя и обид, а потому просто вернулись домой — сидеть на шее у родителей.

— Раз уж мы родились в такой семье, считай, жизнь всё равно похерена, — заявила как-то старшая сестра младшим. — Зачем ещё за что-то бороться? Я лучше вернусь и буду сидеть у них на шее. Они нам задолжали. Посмотрим, кто кого измором возьмёт.

Эрмэй и Саньмэй взяли с неё пример: ни работы, ни замужества, только целые дни в телефоне. Их мать, Ван Цюхуа, ежедневно исходила криком, проклиная их за лень и суля кары небесные, но у тех на ушах уже мозоли выросли. Мать лается — они едят.

В таком месте, как Цзячжи, для выживания действительно не нужно много денег. Ван Цюхуа и её муж Цю Цзянь ничего не могли поделать с дочерьми, и жизнь их тянулась тоскливо, словно у старого вола, бесконечно вращающего мельничный жернов.

Несколько лет назад Цю Цзиньбэй, не выдержав домашней атмосферы, сбежал. Супруги тогда перепугались не на шутку, через всех знакомых пытались его разыскать, но безуспешно.

Полгода спустя он сам связался со старшей сестрой. Сказал, что обосновался в городе Наньхэ, нашёл неплохую работу и даже прислал две тысячи юаней.

Деньги по деревенским меркам немалые. Цю Цзянь и Ван Цюхуа пересчитывали купюры, сияя так, будто на их родовом кладбище из могил повалил благодатный дым. Каждому встречному они твердили, какой их сын молодец и как всё-таки правильно — рожать сыновей.

Поговаривали, что Цзиньбэй присылал деньги не только родителям, но и втихомолку подкидывал сестрам. Вероятно, в глубине души он чувствовал перед ними вину.

— В остальном Цю Цзиньбэй, может, и не подарок, но хотя бы за ум взялся, не то что его сестры-бездельницы, — старик Ян в каждом слове так и сквозил презрением к трем девицам Цю. Закончив тираду, он посмотрел на Юэ Цянь и улыбнулся: — Наш Цянь-цзы тоже в люди выбился.

Молодой человек, увлеченно слушавший сплетни, аж поперхнулся.

«Ой, а чего это мы на меня переключились?»

— Ты в детстве за Цю Цзиньбэем хвостом по всем горам таскался, — вставил дед. — Во всё, во что он играл, и ты лез.

Оказалось, «оригинальный» хозяин тела был кем-то вроде прихвостня соседа. Юэ Цянь припомнил недавний взгляд Цзиньбэя: в нём смешивались пренебрежение и затаенная зависть.

Тот был чуть старше. В детстве бегать за старшим «братцем» — дело обычное. Но в подростковом возрасте всё изменилось: Юэ Цянь перестал ходить в шестёрках, а его внешность заставляла соседа чувствовать себя ущербным. Вот они и отделились.

Теперь Цзиньбэй начал зарабатывать, а бывший «младший» стал всего лишь бедным полицейским. С одной стороны, это давало Цю чувство превосходства, с другой — он до зубовного скрежета ненавидел себя за то, что уродился таким коротконогим.

«Да уж, мир всё-таки чертовски заиклен на лицах»

Юэ Цянь резюмировал свои мысли и продолжил слушать рассказ старика Яна.

Цю Цзиньбэй уже вошёл в возраст, и семья вовсю искала ему невесту. Весь прошлый год Ван Цюхуа, заметив любую мало-мальски подходящую девушку, тут же подсылала свах.

Сам он тоже, кажется, подумывал о женитьбе. Но за душой у семьи Цю ничего не было, а три сестры-нахлебницы только усугубляли ситуацию. Стоило нормальным людям разузнать обстановку, как они наотрез отказывались отдавать дочь. Лишь одна глухонемая девушка из очень бедной семьи после долгих колебаний дала согласие. Но Цзиньбэй и слышать не хотел о браке с инвалидом.

Старик Ян, будучи соседом, ежедневно выслушивал их скандалы. Он даже видел, как Ван Цюхуа с ножом гонялась за Дамэй. Вызывали полицию из участка, но толку-то? Семейное дело.

Селяне воспринимали эти сплетни как анекдот. Многие считали это расплатой: нечего было всеми правдами и неправдами сына высиживать, а потом на дочерей плевать. Так им и надо!

— В такой-то семье даже деревенскую девку не найти, как он городскую-то подцепил? Да ещё красавицу, да при деньгах! Неужто родители её отпустили? — старик Ян вошёл в раж, словно сказитель на ярмарке, и даже хлопнул ладонью по столу. — Моё слово: баба эта — стопудово аферистка. Цю Цзиньбэй дурак, и вся семейка его дураки. Ходят теперь, гогочут... Ой, они же тут уже несколько дней, и всё снимают да снимают. Что в нашей деревне снимать-то, скажите на милость? Сдаётся мне, она просто обстановку разведывает, чтобы потом всю лавочку Цю разом обчистить!

— Да что она там фотографирует? — недоуменно спросил дед Юэ.

— Да всё подряд! Как на грядке овощи рвёт, как их моет, как по дому шуршит, как едят... А то и как с Цзиньбэем милоются. Кому это интересно, спрашивается!

«Наверное, пользователи смотрят»

До своего «переселения» он, когда нагрузка в отделе становилась невыносимой, порой листал короткие видео, чтобы расслабиться. Хоть такой контент и пользовался дурной славой, в моменты крайнего истощения совершенно не хотелось вникать во что-то глубокое и осмысленное.

Некоторые блогеры специально выбирали нишу сельской жизни: съёмки сбора овощей, походы на рынок, домашние хлопоты. Всё однообразное, без капли смысла, но своя аудитория у этого была.

Сначала парень решил, что Цзиньбэй с подружкой просто фиксируют приезд домой на Новый год. Но раз, по словам старика Яна, они снимали каждую секунду, значит, блогерша решила «сделать план», пока гостит в деревне.

Юэ Цянь хотел было проверить свою догадку, достал телефон, но, увидев огромную трещину через весь экран, с каменным лицом убрал его обратно. С такими дровами никакие видео не посмотришь.

Сегодня дед планировал заглянуть не только к Яну. Хозяин дома явно хотел поболтать ещё, но старик Юэ, посмеиваясь, поднялся и начал прощаться.

— Через пару дней ещё заскочу!

Юэ Цянь забрался в кузов трицикла. Проезжая мимо дома Цю, он и впрямь услышал ругань. Женщина в зелёном развешивала во дворе свежестыранное бельё, а Цю Цзиньбэй наставил на неё камеру. Две сестры в поношенных фланелевых пижамах лениво чистили мандарины в стороне. Ван Цюхуа орала на них, обзывая никчёмными тварями, которые и мизинца Лю Ланьшань не стоят — мол, неудивительно, что их никто замуж не берёт.

Даже Юэ Цянь, слышавший в своей прошлой жизни ругательства и погрязнее, поморщился от дискомфорта. Трудно было представить, что мать может так честить собственных дочерей.

— Неисправимо... Это просто неисправимо! — бормотал себе под нос дед.

— Деда, а ты что, ходил к ним мирить? — спросил Юэ Цянь.

— Ходил. Раньше каждый месяц бегал, а толку-то? — дед покачал головой. — Если люди хотят так жить, тут и сам Нефритовый император не поможет!

Затем старик Юэ повез внука к семьям Хуан и Чжоу. Хоть прежний владелец тела и был шалопаем, внешностью бог его не обделил. Теперь же, с короткой стрижкой и решительным взглядом офицера Юэ, он производил совсем иное впечатление. Усаживаясь в домах стариков, он охотно принимал угощения, ел предложенное мясо и сыпал поздравлениями так складно, что все так и таяли. Супруга старика Чжоу даже ухитрилась всучить ему красный конверт — хунбао.

Дед Юэ пытался отнекиваться:

— Да ему ж уже двадцать два!

— И что с того? В двадцать два он всё ещё ребёнок! На, милок, купи себе вкусенького. Посмотри на себя, худющий какой!

Молодой человек принял конверт, вежливо поблагодарил и получил вдобавок целую горсть конфет.

Солнце клонилось к закату. Дед с внуком уже собирались уходить, но старик Чжоу вознамерился во что бы то ни стало оставить их на ужин. Пока они препирались, во дворе поднялся шум: двое мальчишек — один коренастый, другой худощавый — с криками ворвались в дом, а за ними ввалились четверо взрослых, судя по всему, их родители.

За час, проведённый в гостях, Юэ Цянь уже успел узнать подноготную семьи Чжоу. У старика было два успешных сына. Старший окончил техникум и работал мастером на заводе, жена его трудилась там же; на двоих они приносили домой десять тысяч в месяц. Младший с детства был с хитринкой, после средней школы учиться не стал, подался в торговлю. Теперь у него был магазин одежды в городе, а жена открыла небольшую закусную — жили они побогаче

старших.

Старик Чжоу гордился сыновьями, но порой в его словах сквозила недосказанность. Семьи постоянно соперничали, а внуки при каждой встрече затевали драку. Сын младшего был полноватым малым, а сын старшего — щуплым и на полгода младше. Старший внук вечно задирает младшего, хотя тот учился лучше и уже в раннем возрасте обзавёлся очками.

Впрочем, если судить по поведению деда Чжоу, больше он баловал старшего внука — тот хоть и учился плохо, зато умел подлизаться, да и родители его были при деньгах.

Обе семьи днём ездили в городок развлекаться и теперь вернулись с кучей пакетов. Юэ Цяню не хотелось вникать в чужие дразги, и он, пригнув голову, последовал за дедом к выходу. Но тут старший внук внезапно ткнул в него пальцем и завопил:

— Ого! Смотрите! Мужское чудище!

От этого крика младший тоже воодушевился. Он отряхнулся, поднялся и, поправив очки, принялся пристально разглядывать гостя.

— И правда!

— Что за чепуху вы несёте! Это братец из дома бабушки Юэ! — жена младшего сына, как человек бывалый в делах торговли, тут же попыталась сгладить углы. — Дети ещё глупые, не соображают, что несут. Праздник ведь, не обижайтесь.

Объект нападок и не думал обижаться. Его забавляло другое: за глаза его часто называли «богом» или «красавчиком», но вот «мужским чудищем» — никогда.

— Но он и есть чудище! Мам, глянь на его куртку — она же нежно-голубая! Разве нормальные мужики такое носят?! — продолжал орать пацан.

Только мать успела зажать ему рот, как вклинился младший:

— Точно! Мы же только что видели «женщину-демона», она в такой же была!

Пока толпа взрослых пыталась урезонить сорванцов, старик Юэ, не желая связываться с детьми, потянул внука к выходу. Но Юэ Цянь вернулся и, наклонившись к младшему мальчику, спросил:

— Что ещё за чудища? И чем моя куртка не угодила?

Мальчишка струхнул. Подпевать брату было весело, но когда того скрутила мать, оставаться один на один с «мужским чудищем» стало страшно.

— Она... твоя одежда почти такая же, как у неё.

— Пошли уже! Домой пора, ужинать! — поторопил дед.

Обоим внукам в итоге заткнули рты, а старший сын Чжоу подошёл объяснить:

— Они про Тётушку Лю говорят. Она не в себе совсем, вечно вырядится во всё яркое, как лесное страшилище. Мы её по дороге встретили, на ней пуховик был... ну, чем-то на твой похож. Дети только на праздники приезжают, вот и перепугались.

Когда с визитами было покончено и они двинулись в обратный путь, Юэ Цянь спросил:

— Деда, ты мне что, женскую модель купил?

— Ерунду не мели! Мужская это! — громко отозвался старик Юэ, глядя на заходящее солнце.

— Наслушался этих оболтусов... С каких это пор мужчинам нельзя носить небесно-голубой?

Парень, конечно, шутил — он и сам видел, что куртка мужская.

— А кто эта Тётушка Лю? Схожу-ка я на неё гляну.

— Совсем память отшибло? — ворчал дед. — Она тебя в детстве на руках нянчила.

Цянь-цзы схватился за голову:

— Ой, деда, голова что-то разболелась! И в животе урчит. Поехали скорее домой, чесночные стрелки с вяленным мясом лопать!

— Ах ты, наказание моё! — ругнулся старик, но в душе был доволен.

Когда он сегодня тащил внука по гостям, то жутко переживал, как бы тот его не опозорил. Но Юэ Цянь после того, как ему проломили голову, будто разом повзрослел. Мало того что по дому помогать начал, так ещё и стариков-приятелей уважить сумел. Дед не вечен, он не сможет опекать внука до гробовой доски, и то, что парень начал проявлять самостоятельность, приносило старику долгожданный покой.

Дома они на скорую руку сообразили ужин. Старик Юэ рано ушёл к себе: завтра предстояла большая уборка, а послезавтра — поход на могилы сына и невестки. Дел было невпроворот, и

дед планировал их с особой тщательностью.

Юэ Цянь за последние дни выспался впрок, поэтому теперь мучился бессонницей. В ночной тишине, нарушаемой лишь далекими взрывами петард да лаем собак, он невольно заностальгировал по своему прежнему миру. Он скучал по своему отделу, по ученикам, по верному напарнику и по дяде, который вечно ворчал на него, как насадка.

В какой-то момент в темноте перед глазами всплыло бледное лицо — Инь Мо. Его узкие глаза с чуть приподнятыми уголками, застывшие в этой странной, едва уловимой усмешке.

Осознав, что думает о странном типе, которого видел мельком днём, молодой человек окончательно растерял остатки сна.

Он сел на кровати и уставился в окно, озаряемое вспышками фейерверков. Обычно в деревне Цзячжи живут одни старики, и лишь в эти дни она оживает — возвращается молодежь с детьми. Шум и веселье не утихнут до самого праздника Фонарей, а огни в небе сейчас светят ярче фонарных столбов.

Он подошёл к окну. В голове крутились теории о параллельных мирах, о которых он когда-то читал. Прежний Юэ Цянь — это он сам или кто-то другой? И если это параллельная реальность, то продолжает ли «тот» он раскрывать дела там, дома?

Звук мотора грузовика вырвал его из раздумий. Присмотревшись, Юэ Цянь узнал машину. В кузове высились венки и бумажные домики — зрелище, максимально неуместное в атмосфере праздника.

Машина Инь Мо.

«Столько времени, а он всё работает»

Молодой человек усмехнулся про себя. Впрочем, у гробовщиков самая горячая пора как раз по ночам.

Как только грузовик с ритуальными подношениями скрылся из виду, фейерверки и петарды словно разом притихли. Видимо, люди, завидев Инь Мо, теряли всякое желание продолжать веселье.

Юэ Цянь снова лег и на этот раз заснул быстро. Проснулся он, когда солнце уже стояло высоко.

Дед Юэ на месте сидеть не умел. Пока внук спал, старик уже вовсю орудовал на стремянке. Спустившись во двор, Юэ Цянь увидел, как дедушка, закрепившись на высоте второго этажа, протирает стекла, а верёвка под ним угрожающе раскачивается.

— Мать твою! — рывкнул Юэ Цянь. — Деда, слезай немедленно! Я сам доделаю!

— Иди завтракай!

— Не слезешь — есть не стану!

Старик Юэ нехотя, подрагивая, спустился вниз и с гордостью посмотрел на внука.

— Глядите-ка, научился о стариках заботиться.

Покончив с яичницей и лапшой, Юэ Цянь принялся за работу. Всё опасное и тяжелое он взял на себя, оставив деду лишь протирать мебель да возить шваброй по полу.

Дом у семьи Юэ был хоть и небогатый, но просторный, а поскольку генеральную уборку здесь не делали уже год, грязи накопилось прилично. К обеду парень всё ещё не закончил — тело «оригинала» было в посредственной форме, так что спина и суставы уже начали ныть. Дед снова нажарил ему чесночных стрелок с вяленным мясом, всячески нахваливая за внезапный трудовой порыв.

Днем, развешивая последнюю простыню, молодой человек внезапно расчувствовался. Он уже и забыл, когда в последний раз вот так, с семьей, занимался домом и ходил по гостям.

Родители ушли рано, дядя вечно пропадал на службе. В детстве Юэ Цянь был очень покладистым: поест с дядей новогодний ужин и тихонько ложится спать. Когда сам начал работать, они словно поменялись ролями — теперь уже дядя спрашивал, когда тот выберется на праздники, а Юэ Цянь из года в год обещал: «В следующем — точно». Но до самого перемещения так и не сдержал слова.

А теперь и подавно не сможет.

Чувство вины неприятно кольнуло в груди. Он принялся яростно выбивать одеяло, пытаясь отогнать меланхолию.

— Внучок мой дорогой! — дед, оглядев сияющий чистотой дом, даже сменил тон на ласковый.

— Ась? — отозвался Юэ Цянь, стряхивая уныние. — Чего надобно, дедуля?

Старик на миг опешил от такого обращения, а потом, смекнув, схватил метлу. Но возраст давал о себе знать: пока он замахивался, внук уже успел выскочить за ворота.

— А ну стоять! — дед бросился вдогонку.

Он думал, что парень увернётся, и от души махнул метлой, которая со свистом приземлилась прямо Юэ Цяню на спину.

— Ты чего не увернулся-то?

Тот и не думал уворачиваться — он замер, не сводя глаз с переулка. На усыпанной красными ошмётками хлопушек дорожке стояла женщина в небесно-голубом пуховике. Услышав шум, она медленно обернулась.

В её глазах застыло нечто невыразимо жуткое — смесь глубокого отчаяния и тихого безумия.

Юэ Цянь мгновенно вспомнил вчерашний рассказ о «женском чудище».

<http://bllate.org/book/15837/1427910>